

К 60-летию со дня рождения Евгении Янищци



СВЕТЛАНА КОЛЯДКО

«Я знаю: свет багаты на любоў...»

Поэтическое творчество Е. Янищци — одна из самых ярких и талантливых страниц белорусской литературы последней трети XX столетия. Поэтесса — представительница поколения 60—70-х годов XX столетия, которое вошло в литературу в эпоху застоя и стремилось найти свой художественно-эстетический эквивалент той действительности. Свое слово сказала и Е. Янищци.

Первым ее поэтическим опытом свойственны открытость, эмоциональность, юношеский максимализм, страсть. Однако постепенно на смену эмоционально-лирической раскованности в самовыражении, пространственно-временной безотносительности поэтических рефлексий, всеохватывающей восторженности от созерцания окружающего мира приходит вдумчивость, философская рассудительность, появляется социальный аспект в идеино-тематическом отображении себя в мире и мире в себе.

Неожиданно просто писались стихи о вечном, великом, значительном, приобретая форму то присяги, то лирической исповеди. В ранних произведениях Е. Янищци господствует декларативность и где-то нарочитая торжественность, пафос.

Цяпер, калі са мной зямля —
Мае палі, мае дубровы,
Я свята верую, што й шлях,
Абраны мной, беспамылковы...

Однако эти качества стихотворной выразительности не были неискренними и искусственно привнесенными в поэтический текст. Ее обаяние, сердечность, непосредственность пульсировали в каждой строчке, заставляя и нас, читателей, чувствовать неудержимое движение эмоции, где радость и печаль сплелись в единое целое. Информативная сжатость стихотворений в первых сборниках компенсируется эмоциональным богатством переживаний, в которых дрожь голоса, вибрация настроения, стук сердца. Поэтессе многое видится в окружающем мире как открытие, способное перевернуть душу и ощутить себя словно заново рожденной, и это подкупает читателя.

В поэзии Е. Янищци воспринималась легкоокрылой птицей, о чем она сама писала в стихотворении «***Мне па души глухія пушчы»:

Мне па души глухія пушчы,
Лістоты замяць на дварэ,
Я непрыручанаю птушкай
Жыву між сполахаў і дрэў...

Образ неприрученной птицы, безусловно, ассоциативен. Литературовед Е. Городницкий замечает: «Неприрученность — то душевное свойство, которое наиболее ценится поэтессой. Это право (нелегко добытое через боль и страдания) быть самой собой. В своем настроении, характере, жизненной ситуации

стремиться найти те основы устойчивости, которые дадут силы для осуществления своей миссии на земле». Стихотворение, опубликованное в первом сборнике «Снежная грамніцы» (1971), стало отображением творческого кредо Е. Янишиц — быть в поэзии, как и в жизни, в постоянном полете к самой себе, истинной, единственно возможной в земном проживании. Но неприрученность героини Е. Янишиц связана также с внутренним конфликтом: свобода среди людей детерминирована негласным и общественно принятым кодексом сосуществования; в природе же господствует «ненормированная» свобода, которой человеку, отягощенному условностями жизни в обществе, никогда не достигнуть. Поэтому героиня постоянно ощущает себя в состоянии «притяжения» к земле и небу одновременно. Феномен отсутствия «Я» поэтессы в конкретике будней, в хаосе повседневных забот как бы пронизывает многие стихотворения и определяет их энергетическую насыщенность. Лирическое чувство, переживание рвется, как птица в полете, к познанию идеального мира, в котором нет конфликтов между душой/телом, личным/общественным, материальным/духовным и т. д. Е. Янишиц всю жизнь приручила поэтическое слово, находясь в постоянном поиске единственно верного словесного выражения состояния мятущейся души:

Столькі думак самых шчырых!
Светлы шлях мне пажадай.
Заўтра будзе гулкі вырай
І бясхмарны небакрай.
Будзе лета з навальніцай
І вясёлка над ракой.
Толькі мне не паўтарыща
Ані летам, ні зімой.

Желание проникнуть в тайны мироздания определяло в первых книгах сущность многих поэтических опытов, а за этим стояло все то же идеалистическое стремление достичь гармонии между «я» и миром. Отсюда также антиномии и диссонансные нотки в отображении темы «город—деревня». Лирическая героиня идентифицирует свою внутреннюю сущность с «вясковасцю», поэтому город выступает новой плоскостью бытия, где она чужая («***Не шукаю гаманлівай славы...», «***Будуць вёсны і пралескі...», «***Я вырастаю ў зацішы...» и др.).

Первые сборники отразили «многофункциональность» таланта Е. Янишиц: стихотворениям присущи музыкальность, пластика и плавность (эти качества языковой выразительности сохранились и в дальнейшем), а главное — всеохватность чувства и поэтического видения, когда предметом для лирического вдохновения и отображения становятся реалии жизни различного порядка, начиная с пейзажных картин и заканчивая «шаткаваннем капусты». Причем процесс созерцания окружающего мира у Е. Янишиц вдумчивый, живой, часто метафорически-ассоциативный. Наблюдательность выходит за границы внешне идеалистических пейзажных картин действительности, ей интересно прочувствовать напряжение листика, цветка, дерева и т. д., с которыми они осваивают жизнь и пробиваются к солнцу. Мы редко встретим импрессионистские этюды, поэтессе по душе были в большей степени медитативные «экзерсисы», в которых картины внешнего мира становились средством для передачи непредсказуемой и всегда новой и неожиданной связи человека с вечностью, которая в природе, в смене пор года, в золотом утре и полете мотылька... Каждое мгновение нашего существования удерживает в себе противоречивое единство присутствия/отсутствия, знания/незнания, счастья/несчастья и т. д., и только одаренным людям дано это воспринимать обостренно-тонко, часто на уровне интуиции, и только талантливым поэтам дано это отобразить в стихах. Е. Янишиц принадлежала к их числу.

Детская непосредственность и святая наивность на протяжении всей жизни помогали поэтессе не уставать учиться у жизни: «*I душа мая часта, нібы*

матылёк, // На агонь вылятае, ды агню не бацца...», «І кожны дзень — туман і адкрыццё»... А новые поэтические открытия совершались часто не за счет расширения тематических горизонтов, а за счет философского взглядывания и вслушивания в давно известное и, казалось бы, полностью изученное, а потому на протяжении всех поэтических сборников лейтмотивом проходят признания в любви к Полесью, родным местам и близким, дорогим ей людям.

Тенденция к постижению событий и явлений в целостности, завершенности и «сближении птиц и людей» обозначилась наиболее ярко в последних сборниках поэтессы «Пара любові і жалю», «Каліна зімы» (например, в таких стихотворениях, как «Вечнае поле», «Хата», «Галінка з Мардакян», «Пачуццяў дыялектыка», «*** Не помню першы свой палёт»; «Розум» и др.). Образность предстала более прозрачной, стройной и афористически емкой. Пластичность и подвижность мысли стала выражаться в новых формах, вылившихся в мудрые высказывания или философские афоризмы: «Не без любові дзень, // Свяцло не без прычыны»; «Я знаю, свет багаты на любоў, // Бо толькі ў разлюбленых няявісць» и т. д. Репрезентация творческой позиции исходила из философской глубины высказанного слова. А отношения с людьми все чаще стали оцениваться с позиций открытого диалога и прозрачности намерений: «А мне няма прад кім стаяць на пальцах, // А мне заўжды любіць адкрыты твар». Философское переосмысление приобретают формы собственной реализации в социуме, культуре, в личной жизни. Лирическая героиня пересматривает не только ценностные ориентиры в своем бытии, но и способы самоидентификации в творчестве и личностной сфере. Философско-психологическая глубина ее драматической судьбы содержится в родовой памяти: «Ў маёй самоце вінавата хата, // Якая мала што ўзяла ад свята». Хата — не только место рождения и взросления, это символ истории рода, космопространство, определяющее траектории движения судьбы человека. Хата у Е. Янищц также психоэмпиональная и энергетическая аура, воздействующая на счастье — несчастье. Ее хата — а значит, все ее домочадцы — знала мало праздников, и это через генетическую информацию рода передалось героине, которая отвоевывает у судьбы свои маленькие и большие радости.

В последних книгах Е. Янищц все чаще обращается к интроспективным методам самооценки, в результате чего поэтические рефлексии напоминают акты «самоедства» и самобичевания. Однако и в раздвоенности, расслоении, расплывленности души (стихотворение «***Пачуццяў дыялектыка») героиня ищет силы для возрождения и жизни в «святле». «Свяцло» — идеализированная реальность, абстрагированная сущность бытия без негатива, моральный идеал мироустройства и т. д., — и в этом «стерильном» пространстве души она ищет опору в противостоянии всему ненужному, наносному, грубому и губительному. «Свяцло» не просто лейтмотив в образной системе стихотворений, это динамическая саморазвивающаяся структура душевного состояния героини, через призму которой мы можем рассмотреть историю одиночества, освещенного верой:

Магчыма, мне выпала меней, чым той,
Якую заслоняць плячым.
Ды ў кожнай смяшынцы і ў слёзцы любой,
Перш-наперш, я толькі жанчына.

Женское, высокое и красивое, достойное поэзии, — одна из составных частей «святла», которое сохраняет в себе героиня на протяжении всей жизни. Но ее женское счастье омрачено невостребованностью. Могло ли это обстоятельство наложить отпечаток на характер поэтического самовыражения? Думаю, да. Лирической героине было важно и в жизни, и в поэзии осуществиться в феминной роли «любимой», раскрыться в своих лучших фемининных качествах, с помощью которых оформилась ее субъективность как утонченной, чрезмерно ранимой, отзывчивой женщины. Интимная лирика в последнем сборнике «Каліна зімы» — своеобразный текст любви, в котором отражена диалектика разрушающего ее

женское начало чувства. Символическое значение приобретают лексемы «боль», «горечь», «печаль», «расставание», «одиночество» — это негативные аффекты обманутых ожиданий и постоянные образы лирических признаний.

Жена-мать-поэтесса — для лирической героини Е. Янишиц были единими составляющими ее женского счастья, но «жена» не осуществилась в счастливой роли и стала отсутствующей структурой в презентации женского. А это, в свою очередь, определило активизацию в личностном комплексов и переживаний: «...*А ў горадзе, што стаў, як Вавілон, // Мне не пазбегнуць катастрофы сэрца*»: «Катастрофа сэрца» привела к катастрофе сознания, которое утратило важное звено в связях личное/общественное, счастье/несчастье, любовь/одиночество и т. д. Героиня, не раскрывшись в роли жены, в качестве способа компенсации стала искать себя в роли «нелюбимой». А этот путь мог привести, и в итоге привел, к потере личностного в женском, к растворению «я» в жертвенном огне обид и разочарований. Душевный мир утратил стабильность и уравновешенность и наполнился горькими рефлексиями, связанными с осмыслением иерархической зависимости нелюбимая/любимый. Сознание включило переживание о себе, нелюбимой, в качестве саморазрушающего компонента душевной целостности.

Спрабую ўласны боль забіць
Спакойнымі вачыма.
Прасцей жыву, чым можна жыць.
Складаней — чым магчыма.

Жыву з нізінаў і з вышынь,
Між сонца і між грому
У век машын. У век маршчын,—
Душэўных, як вядома.

«Душэўныя маршчыны» — итог не только жизненных обстоятельств, но и сверхтребовательности к себе. Как следует из стихотворения «***Спрабую ўласны боль забіць», субъективная реальность для героини состоит из антиномий: проста-складана, нізіны-вышыні, сонца-грому и т. д. Она же выется, как раненая птица, в замкнутом вышинно-низинном пространстве, не находя покоя для мятущегося духа.

«Высокая годнасьць души» — моральный императив, посредством которого оценивается собственное творчество, события, жизнь и люди в ней. С одной стороны, заданная высота в самореализации позволяет героине сохранять чистую совесть и веру в правильность выбранного жизненного пути; с другой стороны, в техногенный век с его перевернутыми представлениями о добре/зле, правде/лжи и т. д. «вышинные» требования к самому себе губят не выдерживающую испытаний и ответственности душу и убивают надежду. Психологическая подоплека подобного разорванного состояния сознания связана с репрессивными механизмами любых двойственных состояний: они работают на саморазрушение связей личность—мир, душа—дух, окружающий нас мир—внутренний мир и т. д. «*Мне сто разоў бяссільнай быць і дужай, // Збіваць агонь у вогненнай крыві*», — заявляет в очередной раз героиня, и в этом противостоянии выдержки и слабости она растрачивает себя, оставляя силы в борьбе за выживание в разорванном на куски мире.

В «Каліне зімы» синергетический хаос души героини раскрылся новыми гранями. Две основные ветви движения личностного потенциала — я-женщина, я-поэтесса — имели разные стратегии и тактики, но в целом выходили на одну арену самопрезентации. В одном из интервью Е. Янишиц рассуждала о женском в поэзии: «Женское своеобразие в поэзии, как и во всех отраслях искусства, очевидно. Это неоспоримо обусловлено уже самой физиологией. Отсюда, видимо, и неподдельное песенное начало женского голоса, мягкость, сердечность и пронзительное звучание лирической струны, когда она только не опускается до «пелё-

ночных плакатов» или мытья кухонной посуды! Если та же женская физиология временами упрямо стремится нарядиться в «рыцарские доспехи» — это напоминает иной раз парадоксальную картину. Я, между прочим, за уникальность и силу такого голоса, который выходит на свет все-таки из груди, а не из лаборатории современной литературной алхимии. Как раз такая алхимия, как мне думается, не грозит нашей белорусской женской лирике».

Особая мягкая женственность Е. Янищц светится разными гранями в ее стихах, в которых как раз и отражена неповторимая «физиология» ее женского начала. В своем высказывании она делает акцент на антропологической силе поэтического таланта, отдает дань природно-инстинктивному происхождению красоты лирики. В последнем сборнике, как будто подводя итоги своей творческой деятельности, Е. Янищц не единожды обращается к теме поэта и поэзии, пытаясь определить и свое место на литературном Олимпе.

«Вось палішук узяў скразную ноту. // Струна душы, падобная на ўскрык,
// Перажагнала радасць і гаркоту...» («Па дарозе ў Дастроева»), «Дакрануся да
слова — і ток // Пройдзе целам, і гукі ўзарвущца» («Масква — Парыж — Мая-
коўскі»). Поэтесса верит только такого рода взрыву эмоции от восприятия
искусства, все остальное — подделка, требующая работы автора над собой.
Она сама сгорает в творчестве, каждый раз возрождаясь для нового жизнен-
ного, а вместе с ним и поэтического открытия: «...Пісаць, нібы ісці пад лёд, //
Каб потым зноў узніцца ў слове!» («***Не прад'явіць віны пасля»). Однако на
каком-то этапе жизни стратегии поэтического творчества слились со стратеги-
ями самоидентификации как женщины в борьбе противоречий: эти жизненные
установки объединило в один сплав недовольство собой, что и определило
появление в лирике драматических мотивов. Но именно целительное беспо-
койство души не позволяло ей рассыпаться на множество несоединимых фраг-
ментов и застыть в мрачном пространстве въедливой медитации. «Жаночая
праўда» поэтического слова давала ей веру в себя до последних дней: «Совре-
менный мир, наше противоречивое, тревожное время, как никогда, имеет
потребность в «женской правде» — правде сохранения и продолжения жизни,
рода человеческого; сбережения дома, его тепла; нового, не утилитарного, а
духовного, душевного приручения природы; в правде женской верности, цель-
ности характера, самопожертвования, доброты и милосердия. Может, «феми-
низация» поэзии вызвана еще и этой потребностью». И в своем творчестве
Е. Янищц пропагандировала вечные ценности бытия — без пафоса, нравоу-
чений и морализаторства, а гармоническим строем поэтической мысли; логи-
кой и последовательностью в идеино-тематических преференциях; и, наконец,
всем образом жизни, стремясь соответствовать законам совести и библейских
истин. В истории белорусской литературы она останется поэтессой органной,
«вышинной». Ее слову дано одаривать человека светлой духовной энергетикой
сегодня, верю — и завтра.

